

Бестселлер #1 по версии NEW YORK TIMES и AMAZON

Тео из Голдена

Аллен Леви

Дорога добра

Аллен Леви
Тео из Голдена

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Леви А.

Тео из Голдена / А. Леви — «Издательство АСТ»,
2023 — (Дорога добра)

ISBN 978-5-17-183814-0

Тео приехал в Голден, когда цвели азалии и кизил. Загадочный старик не спешил рассказывать, кто он и откуда. Даже его полного имени никто не знал. Но, заглянув в кофейню, Тео был очарован висящими там портретами горожан. Он решил купить все рисунки... и подарить тем, кто на них изображен. Взамен он просил лишь об одном – рассказать свою историю. Так, портрет за портретом, человек за человеком, раскрывались тайны, обнажались раны, а сами люди и их жизни начинали меняться к лучшему. «Тео из Голдена» – незабываемый роман о дарении и принятии, о том, как важно видеть других и быть увиденным самому. Это история о силе щедрости, значимости человеческих связей и тихих чудесах, которые случаются, когда мы выбираем дорогу добра и любви.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-183814-0

© Леви А., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аллен Леви

Тео из Голдена

© Copyright © 2023 by Allen Levi
© Новоселецкая И., перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*Посвящается
Кабби Калбертсону в знак благодарности за нашу долгую дружбу
и как напоминание о твоём обещании – такой был у нас с тобой уговор –
купить сотню экземпляров этой книги, если я посвящу ее тебе. Оплата
наличными или картой?*

*Поблекшее сияние Эллен.
Рождественские туфли Ламиши У.
Пузырек Боббо.
Оброненное перо улетевшей сойки.
Октябрьское небо над Оксбою.
Океан в Бископо.
В тот год Голден переливался всеми оттенками синевы!
Из рекламного буклета художественной выставки в галерее Зилы*

Пролог

Тео жил в Голдене всего год, с минувшей весны. Приехал туда перед самой Пасхой. На Променаде и в Боуэри кизил и азалии стояли в цвету, весь город был усыпан цветочной пылью, словно его покрывала лимонная пати́на.

Со временем друзья Тео узнают, что он питал огромную любовь к рекам, будь то Дору, на берегах которой прошло его детство, Сена – свидетельница его славы, Гудзон – спутник его старости – или с полдесятка других рек, протекавших через различные города, где он жил. Видимо, в нем был заложен некий природный инстинкт, которым и объяснялась его непреодолимая тяга к водным потокам. Возможно, это было как-то связано с тем, что он родился и вырос в стране мореходов. Наверное, в крови каждого сына Португалии бурлит неугасимый дух Магеллана.

Какова бы ни была причина, неудивительно, что по приезду в Голден Тео решил поселиться рядом с Оксбоу. Из окна апартаментов, выходящего на запад, он мог любоваться рекой в любое время дня и ночи. И не только любоваться, но и слышать ее – в открытую дверь на заднюю уличную лестницу в своем обиталище на третьем этаже. Во всяком случае, так он утверждал. И где бы он ни находился в городе, в любой миг, закрыв глаза, Тео чувствовал дыхание и напористый ритм реки, несущей свои воды по извилистому руслу на юг, к заливу, ощущал радостную поступь ее шествия к Атлантическому океану.

Всего год. Вроде бы и недолго. Но за этот короткий срок он сумел проложить русло собственного потока, в который затянуло многих жителей Голдена. Ашер, Тони, Эллен, Базилик и десятки других – целая когорта людей, не осознавая того, была подхвачена водоворотом, именуемым Тео.

Они плыли по течению.

Неслись.

Обрастая массой, набирая скорость.

Спешили к океану, о котором им мало что было известно в то время.

И, оглядываясь назад, все они скажут – во славу старого португальца с напевным голосом и едва заметной улыбкой, не сходявшей с его губ, – что «огонь горел в наших сердцах», как говорил евангелист¹.

¹ Имеется в виду евангелист Лука. Евангелие от Луки, глава 24, стих 32. (Здесь и далее, если не сказано иного, примечания переводчика.)

Глава 1

На следующий день по приезде в Голден Тео проснулся рано и, раздвинув шторы на окне гостиничного номера, увидел южный рассвет. Он прибыл накануне после полудня из родного Нью-Йорка, где, несмотря на близость весны, все еще свирепствовала зима, которая сковывала город льдом и заваливала его снегопадами, заслуживающими упоминания в прессе. Перелет до Атланты (на частном самолете) и затем переезд до расположенного южнее Голдена (в лимузине с водителем) перенесли его в мир тепла, расцвеченного мириадами оттенков зеленого, желтого, лавандового и розового цветов.

Теперь, пробудившись от живительного ночного сна, он стоял в нескольких дюймах от окна, дышал полной грудью, словно стекло совсем не мешало ему наслаждаться утренней свежестью, и с восхищением смотрел на первые мазки весны.

Его взгляд скользнул в западную сторону и остановился на широкой извилистой ленте реки Оксбоу. Над водой висел туман.

Солнце еще не взошло, и с третьего этажа Тео взирал на город сквозь пелену рассветных сумерек, узнавая многие из достопримечательностей, с которыми он заочно познакомился, когда готовился к поездке в Голден: мощеные улицы, литейный завод, старые хлопковые хранилища, вековые дубы.

Но любованье городом с третьего этажа – не для человека пытливого ума. Тео облачился в удобную одежду, оглядел себя в зеркало, поправил воротник и шарф, выключил свет, повесил на двери снаружи табличку «Не беспокоить» и спустился в гостиничный вестибюль. поприветствовал портье, приподняв шляпу, и покинул отель – вышел навстречу холодному утру, спеша прогуляться по улицам, пока их не заполонили пешеходы и автомобили.

На Бродвее из всех заведений были открыты только кофейня да небольшая закусочная. Тротуар почти полностью был в распоряжении Тео.

Не наметив для себя определенного маршрута, он шел куда глаза глядят. Останавливался, если что-то привлекало его внимание – а заинтересовать Тео могло все что угодно, – и рассматривал то, на чем задержался взгляд, до тех пор, пока любопытство не было удовлетворено.

Например, у него вызвал интерес ажурный металлический декор на фасаде углового дома. Кто его сделал? Когда? Каким образом?

Его заинтересовала кирпичная кладка старинного, но хорошо сохранившегося здания, в котором ныне размещалась администрация колледжа.

Он не мог пройти мимо памятной доски, на которой излагалась история бульвара под названием Променад, что пролегал посреди Бродвея. (Где бы он ни жил, куда бы ни приезжал, Тео, по обыкновению, непременно читал тексты на памятных досках, если они были написаны на одном из пяти языков, которыми он владел).

Не обошел он вниманием и стилизованную под старину скульптуру у входа в школу медсестер при местном университете.

Особый интерес у него вызвала маленькая птичка, что сидела на скамье у тротуара и кланчила крошки.

Тео остановился, чуть нагнулся к ней, держа руки за спиной.

– Прости, милый друг, – тихо обратился он к жалобно щебечущей птахе, – но сейчас мне нечем тебя угостить. Может быть, завтра? И прекрати канючить. Радуйся, что ты сегодня не в Нью-Йорке.

Тео подобрал пустую бутылку и бросил ее в стоящую поблизости урну.

В какой-то момент он достал из кармана небольшое увеличительное стекло – лупу – и принялся рассматривать багрянистый цветок азалии.

И так то одно, то другое.

Из-за своего любопытства Тео продвигался черепашьям шагом. К тому времени, когда он преодолел каких-то два квартала, улицы уже ожили: по дорогам непрерывным потоком ехали машины; тротуары наполнились гомоном студентов и людей, спешащих на работу; на пустовавших с ночи парковках по обеим сторонам Променада почти не осталось свободных мест.

Но Тео это ничуть не беспокоило.

И сегодня, и в обозримом будущем он был предоставлен сам себе: никаких поджимающих сроков или обязательств, никаких запланированных встреч. Он был волен наслаждаться беззаботностью необременительного существования и полнейшей анонимностью. Теперь он был обычным туристом.

В Голдене он никого не знал.

Ну... разве что одного человека.

Пока еще он не был уверен, надолго ли задержится здесь – на несколько недель, месяцев, дольше? – но его новое временное обиталище ему нравилось.

Первое впечатление: очень приятный город, да еще и с таким звучным названием.

Голден.

Глава 2

Прогулявшись по Бродвею, Тео вернулся к маленькой кофейне, мимо которой уже проходил рано утром. У ее входа, словно душистое облако, витал аромат кофе – отличная реклама для заведения.

На оконном стекле рядом с дверью надпись, сделанная золотыми буквами с черным контуром, сообщала прохожим информацию о кофейне:

Чаша

Ул. Лайт-стрит и Бродвей

Понедельник – четверг: 06:00–22:00

Пятница – суббота: 07:00–23:00

Воскресенье: 08:00–18:00

Тео вошел в кофейню и, сделав глубокий вдох, оглядел зал, где всюду стояли и сидели по одному и небольшим группам посетители. Молодые и не очень, одетые по-деловому и в небрежно-повседневном стиле, все эти люди разной этнической принадлежности собрались здесь, привлеченные магнетическим духом кофейни.

Молодой парень с виолончелью за спиной и стаканом кофе в руке искусно лавировал между столиками и посетителями, периодически тихо приговаривая: «Прошу прощения», «Извините». Краем глаза перехватив взгляд Тео, он улыбнулся и кивнул в знак приветствия. В больших городах, где Тео провел большую часть жизни, такое поведение сочли бы необычным, даже подозрительным, но он улыбнулся в ответ, кивнул парню, а затем встал в хвост короткой очереди к прилавку, за которым принимали заказы.

«Если и кофе здесь столь же вдохновляющий, как антураж...» – подумал Тео.

Но это было маловероятно.

В Европе Тео пристрастился к крепкому кофе. В Лиссабоне он пил *abatanado*² и *café pingado*³, в Мадриде – *café con leche*⁴, в Болонье – эспрессо, в Марселе – *café noisette*⁵. Американские кофейни его нередко разочаровывали даже в Нью-Йорке, где на каждую чашку отменного кофе, что он покупал, приходилось с полдюжины чашек бурды. Тео не раз говорили, что у него завышенные требования.

Он обменялся приветствиями с бариста, работавшим за прилавком, сделал заказ и, получив свой кофе, занял стоявшее поблизости свободное кресло.

И был немало удивлен: эспрессо ему подали великолепный. Одобрительно кивая, старик смаковал на языке первый маленький глоток.

Потягивая кофе, Тео осматривал зал. Ему все было интересно: лица посетителей, их голоса, жесты, приветствия. Он с любопытством наблюдал, как добросовестно работает жизнерадостный бариста, а также за тем, что происходит за столиками.

Но вскоре его вниманием полностью завладели рисунки на стенах кофейни.

Три стены – слева, справа и в глубине – занимали портреты, коих Тео насчитал девяносто два. Все они были выполнены карандашом на белой бумаге и висели в черных рамках трех размеров. Все, вне сомнения, были сделаны рукой одного художника. Эта коллекция, словно

² *Abatanado* – португальский вариант американо: разбавленный горячей водой эспрессо, который подают в чайной чашке.

³ *Café pingado* – эспрессо с несколькими каплями молока, подается в кофейной чашке.

⁴ *Café con leche* – испанский кофейный напиток, дословно означающий «кофе с молоком»: крепкий кофе, смешанный с горячим молоком примерно в равных пропорциях.

⁵ *Café noisette* – французский кофейный напиток, представляет собой эспрессо с добавлением небольшого количества (капли) горячего молока или сливок, что придает ему цвет фундука, отсюда и название *noisette* («фундук»).

имитируя состав посетителей кофейни, отображала весь спектр людских типажей – от молодых до старых, от белых до черных, от грустных до веселых. Портреты, портреты, портреты...

Даже с расстояния, отделявшего его от этих графических образов, Тео видел, что они выписаны поразительно точными штрихами и с большим вниманием к деталям. Это были работы настоящего мастера: лица получились как живые, так что создавалось впечатление, будто эти портреты – не украшение стен, а зрители, наблюдающие за посетителями «Чашки».

И в воображении старика тут же возникло причудливое видение: каждая из девятина двух рамок – это окно, а каждое из девятина двух запечатленных в них лиц – это человек, с улицы заглядывающий в кофейню. Все эти люди на портретах днем с любопытством взирают на посетителей, а ночью, когда кофейня закрыта, выходят из своих рамок в зал и общаются между собой, обсуждая, кто что увидел и услышал за день, делясь друг с другом историями, а к открытию заведения вновь возвращаются на свои места.

Тео улыбнулся, представляя эту красочную абсурдную картину. Подобные фантазии нередко его посещали.

Он был наделен воображением поэта.

Но при этом обладал умом и проницательностью знатока искусства. Он был человек увлекающийся, его многое интересовало, но некоторые области в особенности. В том числе портретная живопись.

Тео очень хотелось не торопясь внимательно рассмотреть каждый из девятина двух рисунков, но он решил дожидаться более подходящего момента, когда в кофейне народу будет поменьше.

А пока он потягивал эспresso умышленно маленькими глоточками. Пить кофе как-то иначе, считал Тео, значит выказывать неуважение, даже непочтительность к искусству бариста. Насладившись эспresso, он надел шляпу, глянул направо и налево, затем неспешным шагом покинул кофейню и вернулся в гостиницу.

После обеда Тео немного вздремнул, а потом отправился к реке. Прогулялся по асфальтированной дорожке с юга на север, посидел с четверть часа на скамье, подставляя лицо солнцу, и пошел к кофейне, где теперь были заняты всего несколько столиков, за которыми сидели студенты.

Очереди к прилавку не было. Тео подошел и сделал заказ.

– Рад снова видеть вас здесь, – сказал бариста. – Второй раз за день.

Тео поразило, что парень запомнил его, тем более что утром в кофейне было много народу.

– Мой дорогой друг, сегодня утром вы угостили меня превосходным эспresso. Отличная работа. *Je ne sais quoi*⁶. Премного благодарен. Я вернулся, чтобы еще раз отведать вашего чудесного кофе.

Парень довольно усмехнулся. Ему нечасто доводилось слышать в «Чаше» французскую речь.

– Спасибо, сэр. Надеюсь, кофе, что я приготовлю сейчас, впечатлит вас еще больше. Если не понравится, прошу вас, сразу же скажите. Меня зовут Шеп. А вы?..

Шеп протянул руку через прилавок. Старик взял ее в обе ладони.

– Друзья зовут меня Тео. Искренне рад знакомству.

Шеп обратил внимание на четкое произношение старика, в голосе которого он услышал иностранный акцент.

– Я тоже. Что привело вас в Голден?

⁶ *Je ne sais quoi* (фр.) – здесь: «Нет слов».

– Я здесь по делам. Но в данный момент меня очень интересуют портреты. – Тео показал на стены. – Утром они бросились мне в глаза, и я вернулся, чтобы рассмотреть их более внимательно. Расскажите о них, пожалуйста.

Тут в кофейню вошла компания из четырех женщин, вставших в очередь за Тео.

– С удовольствием, мистер Тео! Как только немного освобожусь. А пока можно начать с этого. Возможно, вы получите ответы на некоторые вопросы. И я буду рад, если расскажете о себе, когда у нас с вами выдастся минутка поговорить.

Шеп вручил Тео местный журнал – «Золотой стандарт». На обложку было помещено фото внутреннего помещения кофейни, сделанного от входа через объектив «рыбий глаз»⁷, который захватил все три стены – левую, правую и в глубине – и почти все висящие на них портреты. В центре снимка стояли Шеп и еще один мужчина – поджарый, седоватый, в джинсах, футболке и твидовом пиджаке. Надпись к фотографии гласила:

Искусство «Чаши»

Тео открыл журнал, нашел статью и стал читать.

Начиналось это как игра.

«А что, если?..»

«Как ты?..»

«Может быть».

Кофейня как художественная галерея.

Это именно то, чем за последние месяцы стала «Чаша» – одно из самых популярных заведений в Голдене. Кофейня расположена в центре, на углу Лайт-стрит и Бродвея. Ее владельцы – Шеп и Эдди Карлайлы, уроженцы нашего города.

На раннем этапе обновления городского центра они приобрели пустующее трехэтажное здание и почти целый год все свободное время занимались ремонтом первого этажа. Когда работы наконец завершились, они уволились из банка, где служили, и два месяца стажировались в одной из престижных кофеен в Атланте, овладевая искусством приготовления кофе, а после распахнули для посетителей двери своего заведения, которое сразу же завоевало популярность и получило отличные отзывы. «Чаша» предлагает гостям эксклюзивный ассортимент великолепных напитков и легких десертов.

С момента открытия процветанию кофейни способствуют ее завсегдатаи. Удобное расположение «Чаши» – в двух кварталах от развлекательных центров, ресторанов, магазинов, здания суда, Школы дизайна и изобразительных искусств при Голденском университете – обеспечивает непрерывный поток посетителей. Когда бы вы туда ни зашли – в любой день, в любой час, – вас поразит разнообразие лиц клиентов.

Некоторые из этих лиц никогда не покидают зал кофейни!

Через несколько улиц от «Чаши» находятся дом и мастерская Ашера Глиссена, выдающегося местного художника. Тоже уроженец Голдена, он имеет завидный послужной список: дает частные уроки, являлся куратором Центра искусств Бредлоу, иллюстрировал многочисленные рекламные и периодические издания и прославился как мастер портретной живописи.

Когда кофейня открылась, Глиссен стал одним из ее первых посетителей. По его словам, за несколько месяцев работы «Чаши» он потратил на кофе существенную часть своих пенсионных накоплений.

Год назад Карлайлы предложили Глиссену выставить в кофейне некоторые из его работ. Предложение ему понравилось, он ухватился за эту идею.

⁷ Объектив «рыбий глаз» – сверхширокоугольный объектив с углом обзора от 180 градусов и шире, с сильными геометрическими искажениями (дисторсиями), которые создают характерный визуальный эффект.

«Ашер сказал, – объясняет Шеп Карлайл, – он кое-что наметил, но своей задумкой не поделился. А через месяц принес с полдюжины портретов кое-кого из наших завсегдатаев. Мы обалдели! С этого все и началось. Посетители в восторге. Некоторые приходят просто для того, чтобы посмотреть на рисунки. Мы очень горды, что эти работы выставлены в нашем заведении».

В настоящее время экспозиция насчитывает 92 портрета. Все выставлены на продажу. Когда какой-то один портрет продан, его место занимает другой.

Глиссен очень тепло отзывался о кофейне. «“Чаша” стала символом традиций и устоев жизни города. Это поистине плавильный котел⁸, что я и пытаюсь отразить в своих портретах. Моя мама (она была художником) всегда говорила, что каждое лицо – это целая история. И я считаю, она права. Эта коллекция графических портретов словно целый квартал, населенный людьми, которых объединила любовь. Я глубоко признателен Эдди и Шепу за то, что благодаря им этот маленький мир обрел свой дом.

Глиссена часто можно встретить в «Чаше» или где-нибудь в городе. Он всегда носит с собой фотоаппарат. И делает снимки, собирая материал для работы. Если вы застанете его в кофейне, не исключено, что он попросит вас взглянуть на него. Тогда не удивляйтесь, если ваш портрет станет одним из экспонатов галереи в «Чаше».

В кофейне появились новые посетители. Пока Шеп готовил для них кофе, Тео перечитал статью, а затем поднялся со стула и прошел вглубь зала.

Заднюю стену занимали двенадцать портретов – по четыре в каждом из трех рядов. Все – оплечные по формату. Тео достал из кармана и надел очки в тонкой металлической оправе, затем сцепил руки за спиной и принялся рассматривать рисунки с расстояния в один ярд. Разглядывая портреты, он то опускал голову и устремлял взгляд поверх очков, то вдруг склонял голову набок и смотрел через очки, сидевшие на кончике носа. Старик был полностью поглощен своим занятием. Искусствовед в Лувре не смог бы более внимательно и увлеченно изучать шедевры прославленного музея.

Тео подошел к стене почти вплотную, пристально разглядывая наиболее сложные из карандашных линий. Он позабыл о времени, не замечал, что происходит вокруг.

Шеп, закончив обслуживать посетителей, взглядом отыскал Тео в зале, но предпочел ему не мешать. Бариста было приятно, что рисунки так пленили воображение старика, но он невольно задавался вопросом, чем вызван столь острый интерес.

А замысловатые переплетения тонких линий завораживали Тео с ранних лет. В детстве он частенько разглядывал через увеличительное стекло перья, листья и насекомых на виноградниках вокруг дома. Паутина, крылья стрекозы, нижняя часть грибных шляпок – все это несказанно зачаровывало его. Он коллекционировал почтовые марки и был потрясен, когда впервые увидел чертежи и эскизы Леонардо да Винчи. В юности и позже Тео имел обыкновение носить в кармане лупу – подарок одного из учителей, – чтобы рассматривать мелкие предметы и детали, не видные невооруженным глазом. Для такого, как он, портретная галерея в «Чаше» была словно пещера Аладдина, стол, ломящийся от яств, пиршество для глаз.

К каждому рисунку в рамке Тео приближал лицо, склонялся перед ним в благоговении, околдованный совершенством линий.

Он переместился в переднюю часть зала, продолжая разглядывать портреты. Один раз ему пришлось остановиться перед столиком у стены, за которым сидели посетители, потому

⁸ *Плавильный котел* – основополагающее понятие американской социологии и культурологии. Культурная и историческая метафора, описывающая процесс ассимиляции и интеграции иммигрантов в США. Согласно этой концепции, люди разных национальностей, культур и религий смешиваются и формируют единую американскую нацию.

что рисунки висели прямо у них над головами. Старик извинился перед ними, но, пока не рассмотрел все детали, не сдвинулся с места.

Тео видел, что каждое запечатленное лицо отражает определенное настроение, за которым скрывается какая-то история. И вопросы напрашивались сами собой.

Чем обеспокоен этот парень?

Чем смущена эта молодая женщина?

Как бы я охарактеризовал выражение лица этого ребенка?

И как, во имя Господа, художнику удастся передать тончайшие нюансы эмоционального состояния?

Рассматривая рисунки, Тео все больше приходил в недоумение, даже в смятение, не понимая, почему так много портретов до сих пор не продано. Их цены ставили его в тупик. *За это – всего сто двадцать три доллара? А за это – двести долларов?* Почему, удивлялся он, девяноста два портрета такого высокого качества все еще не раскуплены?

Он задержался у портрета молодой женщины с изящными чертами не улыбающегося лица. Ее глаза заглядывали ему прямо в душу, и было в них что-то до боли знакомое. *Возможно ли?*

Тео переключил внимание на портрет справа – на лицо молодого человека, который смотрел не на художника, а куда-то в сторону. Что отражалось в его мятущемся взгляде? Страх? Подозрительность? Презрение? Что бы это ни было, создавалось впечатление, парень неловко чувствует себя перед объективом. Изображен он был в теплой шапке, с поднятым воротником пальто – очевидно, в тот момент, когда его сфотографировали, стояла холодная погода.

Тео изучал рисунки уже почти час. И вот к нему наконец подошел Шеп.

– Видно, что портреты с историей, да? – Вытирая о полотенце руки, бариста кивнул на портрет молодого человека с нервным взглядом, перед которым стоял старик. – Этот парень переживает трагедию. Некоторое время назад его маленькая дочка сильно пострадала в автомобильной аварии. Жена погибла. Он нечасто сюда заходит. Обычно заказывает кофе дня со сливками. По-моему, он даже не догадывается, что здесь висит его портрет.

Тео кивнул, поворачиваясь к Шепу.

– Вы знаете всех, чьи портреты висят на стенах?

– Шапочно – почти всех. Кое-кого – очень хорошо. Некоторых вовсе не знаю. Обычно художник на обратной стороне мелкими буквами записывает фамилии тех, кого он изображает, так что при необходимости я всегда могу уточнить, кто эти люди. Однако, мистер Тео, расскажите, пожалуйста, о себе, а потом уж мы с вами обсудим портреты. Что у вас за история? Итак, вы в городе недавно. Что привело вас сюда? Где ваш дом?

Отмахнувшись от вопросов, Тео ответил коротко:

– Я много где побывал. Родился и вырос на севере Португалии, но вот уже многие годы живу в Нью-Йорке, там у меня дом. Сюда я приехал по делам. И на сегодняшний день мой дом – Голден. И ваша кофейня, мистер Шеп, мне очень нравится.

Столь неопределенный ответ, хоть и изложенный в учтивой форме, вряд ли тянул на интересную историю, которую надеялся услышать бариста, но он не стал пытать старика. Быть может, со временем его ответ обрстет подробностями.

– Прошу вас, зовите меня Шеп. Так меня зовут все друзья. «Мистер» можно опустить.

– Конечно, благодарю. А вы, пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени – Тео. К слову об именах и названиях, почему «Чаша»?

Теперь замаялся бариста.

– Да так, понравилось, как звучит. Как-нибудь потом расскажу подробней. Вы прочитали статью о портретах?

– Да, спасибо, – кивнул Тео. – Очень интересно. – Он вернул журнал владельцу.

– Мистер Шеп – простите, Шеп, – мне вот что непонятно. Почему портреты не покупают?

Бариста поморщился и пару раз качнул головой вправо-влево, обдумывая ответ.

– Честно говоря, Тео, для меня это тоже загадка. У Ашера, я знаю, много работы, и, возможно, лишние заказы ему ни к чему, но я рассчитывал, что здесь удастся организовать для него хороший бизнес. Не получается. Пока. На минувшее Рождество мы продали довольно много портретов, но я все еще надеюсь на большую удачу. Верю, что в один прекрасный день народ осознает, какие здесь хранятся сокровища. Ашер нарисовал портрет Эдди – моей жены, Адделины, – и это одно из самых ценных моих приобретений. Если у нас дома, не приведи господь, начнется пожар, выскакивая на улицу, я в первую очередь прихвачу ее портрет. – Шеп помедлил. – Нам нравится наша портретная галерея, но мне хочется, чтобы однажды кто-нибудь купил сразу всю коллекцию.

Тео чуть шире раскрыл глаза, поднес руку ко рту и, большим пальцем подперев подбородок, указательным застучал по губам.

Шеп глянул в сторону прилавка, где его уже ждал новый посетитель.

– Тео, мне пора снова приниматься за работу. Спасибо, что зашли! Знаете, если вы станете нашим завсегдатаем, очень может статься, в один прекрасный день ваш портрет тоже появится здесь на стене. Добро пожаловать в Голден. Кстати, как вам кофе?

– Великолепный. Превосходный! Выше всяких похвал! – Улыбаясь, Тео тихо зааплодировал и затем, потрепав Шепу по плечу, покинул кофейню. Выйдя на улицу, он прошел на бульвар и сел на скамейку у фонтана.

Он думал о непроданных портретах.

О домах, которые бы они украсили, и людях, чью жизнь они бы обогатили.

О художнике, для которого продажа его работ послужила бы вдохновением.

И у него возник план.

Глава 3

На третий день пребывания в Голдене рано утром Тео отправился на прогулку в жилые кварталы к югу от гостиницы. Этот район под названием Боуэри слыл уважаемым и состоял из старинных домов и ухоженных газонов, которые, как и весь город, ждали, когда природа взорвется феерией нежных весенних красок. Ждать оставалось уже недолго, с каждым днем на деревьях и кустарниках в изобилии распускались листочки и бутоны.

Из Боуэри он прошел к реке, посидел на берегу, как и в предыдущий день. Удостоверившись, что утренний час пик миновал, Тео вернулся в «Чашу».

– Приветствую вас, Тео! Два дня, и вы здесь уже частый гость.

– Доброе утро, Шеп! Да, верно подмечено. Только я здесь не просто частый гость, а очарованный завсегдатай.

По тону старика Шеп затруднялся определить, чем тот очарован больше – кофе или портретами. Быть может, тем и другим. В любом случае присутствие общительного приезжего было ему по нраву.

Тео пробыл в «Чаше» до обеда. Медленно идя вдоль стен, он снова внимательно рассматривал портреты. Шеп наблюдал за стариком с нарастающим любопытством. Что его так заинтересовало?

После долгих размышлений перед уходом Тео купил портрет молодой женщины с короткой стрижкой и знакомыми глазами, неулыбающимся, но отнюдь не неприятным лицом.

Он заплатил наличными сто двадцать пять долларов, и его не покидало ощущение, что он этот портрет не купил, а украл.

– Почему именно этот? – спросил Шеп, заворачивая портрет в упаковочную бумагу. – Вы с ней знакомы?

– Я не знаю никого из этих людей, – покачал головой Тео, – но был бы рад купить какие-то из их портретов, быть может, даже все. Однако сейчас меня особенно интригует именно это лицо.

Покупкой Тео лишь подогрел интерес Шеп к своей персоне. Бариста ломал голову: что задумал старик? кто он? коллекционер? критик? галерист? надеется как-то помочь художнику?

А Тео, вернувшись в гостиницу для полуденного отдыха, снова принялся изучать портрет. Как и сказал Шеп, имя женщины было написано мелкими печатными буквами на обратной стороне рамы.

Мина Прентисс.

– Да, определенно это она, – прошептал Тео.

Воспользовавшись компьютером в бизнес-центре отеля, он нашел информацию об этой женщине. Оказалось, она дипломированный бухгалтер, работает в солидной аудиторской компании в Голдене. И главное, он узнал ее адрес.

Тео сел сочинять письмо. Следующие два дня он писал и переписывал письмо множество раз, пока наконец не был удовлетворен выбором слов.

Дорогая миссис Прентисс!

Мы с вами никогда не встречались, и я надеюсь, вы простите меня, если сочтете, что не подобает совершенно незнакомому человеку обращаться к вам в такой манере. Я уже старик, мне 86 лет, в вашем городе я недавно. Впервые я увидел вас – точнее, ваш карандашный портрет – несколько дней назад, когда зашел в кофейню «Чаша» на Променаде.

Рассматривая ваш портрет, миссис Прентисс, я проникся твердой уверенностью, что он должен висеть в вашем доме или в доме того,

кто вам дорог. И это правильно. Законченное произведение искусства должно принадлежать тому, кто послужил источником вдохновения для его создания.

Посему я взял на себя смелость купить этот рисунок с одной-единственной целью – подарить вам. И я считал бы для себя высокой честью и проявлением величайшей доброты с вашей стороны, если бы вы согласились принять свой портрет в дар и распорядиться им по своему усмотрению.

Позвольте сделать вам предложение? (И я заранее прошу прощения, если, на ваш взгляд, попираю нормы приличия). На следующей неделе, в четверг, в семь часов вечера я буду сидеть на скамейке у фонтана на бульваре напротив «Чаши». На мне будет серовато-зеленая – цвета вереска – плоская кепка, дабы вы меня узнали, если вдруг окажется, что в этот час поблизости будет сидеть множество других франтоватых 86-летних стариков приятной наружности. Чтобы отдать вам портрет, потребуется не больше минуты, но я найду время пообщаться с вами, если вы будете к тому расположены.

Дабы вы не сочли мое предложение очень странным и неадекватным, позвольте заверить вас, что я – безобидный старик, вдовец, отец, беззубый лев с самыми невинными намерениями. Если же, как сказано, «блаженнее давать, нежели принимать»⁹, я буду счастлив вручить вам этот портрет, что станет мне наградой за потраченные деньги.

С нетерпением жду встречи с вами.

*С наилучшими пожеланиями,
Тео*

⁹ Деяния святых Апостолов, глава 20, стих 35. Синодальный перевод.

Глава 4

– Сегодня я получила престраннейшее письмо.

Минетта Прентисс не имела склонности бросаться такими словами, как «странный»; использовала их лишь в тех случаях, когда что-то действительно соответствовало этому определению. Она была педантом и в выборе слов, и в расчетах. Это качество укоренилось в ней давно, еще до того, как она получила лицензию дипломированного бухгалтера высшей категории.

– И что же в нем странного? – Деррик, ее муж, сидя за столом в кухне, распечатывал корреспонденцию. Задавая вопрос, он отвлекся от своего занятия. За пять лет супружества он прекрасно изучил интонации жены и знал, когда она требует от него безраздельного внимания. Сейчас был один из таких случаев.

– Во-первых, непонятно, от кого оно. Помнишь мой карандашный портрет в «Чаше»? Тот, что нарисовал дядя Ашер? Судя по всему, кто-то приобрел его. Какой-то старик. И теперь он хочет подарить мне этот рисунок. Просит, чтобы я встретила с ним в следующий четверг у фонтана. Разве это не странно?

Выражение вялого интереса на лице Деррика сменилось настороженным любопытством. Он склонил набок голову, приподнял брови.

– Это еще мягко сказано. Не то что странно – опасно. И ты не представляешь, кто бы это мог быть? Может, кто-то решил подшутить? Кто-то из наших знакомых?

– Понятия не имею. Но не думаю, что это шутка. Вот письмо. Прочти.

Деррик принялся медленно читать письмо, по ходу чтения осмысливая и анализируя каждое слово.

Мина наблюдала за мужем, пытаясь догадаться, о чем он думает. Его лицо, она знала, выдаст, к какому выводу он пришел, до того, как он озвучит свое заключение. И она сразу заметила, что муж заинтригован.

Красивый почерк.

Дорогая бумага.

Обезоруживающая манера письма.

Фамилия не указана.

Обратного адреса нет.

Чудное послание, но внушает доверие.

– Не то, что я ожидал, но вызывает опасения. Кто бы ни был этот человек, ему известно, кто ты такая и где живешь. А ты о нем ничего не знаешь. Быть может, Ашер или Шеп что-нибудь расскажут нам о нем. Или еще кто-нибудь из кофейни. Ведь именно там он приобрел твой портрет, да?

По окончании юридического факультета Деррик вот уже шесть лет служил в окружной прокуратуре Голдена в должности прокурора. Он знал многих сотрудников местных правоохранительных органов. Быть может, кто-нибудь в полицейском управлении Голдена посоветует что-то относительно этого загадочного письма.

– Или мы просто придем в четверг на встречу и посмотрим, что будет дальше. – Категоричный тон Мины подразумевал, что она уже приняла решение. Не давая мужу возразить, она продолжала: – Я прочитала письмо четыре раза, от первой до последней строчки, и мне кажется, оно абсолютно безобидное, хотя ты, может быть, сочтешь меня сумасшедшей или наивной. Вполне допускаю, что ко мне обратился некий пожилой человек, который просто хочет сделать что-то приятное. Как ты выразился на днях по поводу бездомной женщины на велосипеде? «Благодушная эксцентричность»? Возможно, это тот самый случай.

– А если ты ошибаешься? – спросил Деррик. – Вдруг это маньяк или кто-то недовольный моим выступлением в суде по какому-нибудь делу? Что, если это брат гангстера, которого мы отправили на пожизненное в прошлом месяце?

– Будь это кто-то из преступников, – закатила глаза Мина, – он вряд ли стал бы писать такое письмо. Действовал бы более прямолинейно. И сдается мне, оно написано перьевой ручкой. Да еще и на бумаге с льняной фактурой. Это тебе не хухры-мухры. – Она помолчала. – Знаешь, что я подумала сначала?

– И что же? – Деррик подался вперед, переплетя вместе пальцы обеих рук.

– Я подумала, что это ты. – Они встретились взглядами. – Подумала, что, быть может, ты купил мой портрет, как собирался месяц назад. И попросил кого-то с красивым почерком написать это письмо на двухдолларовой бумаге. И, быть может, это ты будешь сидеть у фонтана в четверг. Угадала?

– Увы, – усмехнулся Деррик, краснея. – Прости, что я слишком долго телился, но, клянусь, письма я не писал. Неужели ты и впрямь хочешь пойти на встречу с этим типом?

– Только с твоего согласия. Но вообще-то хочу. Тем более что на вечер четверга у нас нет планов. Скажем так, мы встретимся с этим загадочным незнакомцем, а потом пойдем в какой-нибудь ресторан и за ужином будем любоваться портретом девушки в рамке.

Рассмеявшись, Мина обошла стол, встала у Деррика за спиной, обняла мужа за шею и потерлась носом о его щеку.

– И все же мне как-то не по себе, – прошептал он.

– Я прекрасно тебя понимаю. И рада, что ты любишь меня и беспокоишься обо мне. Но, пожалуйста, прочти письмо еще три раза, ни на что не отвлекаясь. И если после этого сочтешь, что нам не следует идти на встречу, мы не пойдем. Хотя, в принципе, риск минимальный, если хочешь знать мое мнение. В это время будет светло, вокруг – люди. Если нам не понравится то, что мы увидим у фонтана, никто не заставит нас туда идти. Возьмем бинокль, понаблюдаем издали, а затем решим, как быть. Договорились? Зато потом будет что детям рассказать. А теперь брысь отсюда! Дай приготовить что-нибудь на ужин.

Глава 5

Деррик внял просьбе Мины.

Вымыв посуду и сделав пару телефонных звонков, вместе с необычным письмом он удалился в свой кабинет – большую комнату со старинным письменным столом и креслом, где он иногда уединялся, чтобы изучить документы, оплатить счета или ответить на сообщения по электронной почте.

Преисполненный скептицизма, он прочел письмо при неярком свете настольной лампы.

Потом прочитал еще раз.

И еще.

В этих строках сквозили искренность, вынужден был признать Деррик, а также простодушие и робость. И даже юмор: «Множество других франтоватых 86-летних стариков приятной наружности». После каждого прочтения предубежденность его все больше таяла, но он по-прежнему оставался настороже. Его беспокоило, что автор письма скрыл свою фамилию и потратил немало усилий на то, чтобы установить личность и адрес очень красивой молодой женщины, а также написать ей, и что его персона вызывала множество вопросов, на которые не находилось ответов.

Непостижимое послание.

– Ну, что думаешь? – спросила Мина, когда они легли спать.

– Я сделал, как ты просила. Прочитал письмо три раза. И все равно мне тревожно.

– Очень тревожно?

– Да нет, не то чтобы. Просьба, безусловно, странная. Но, если до четверга меня не будут мучить кошмары или что-то не заставит передумать, я, пожалуй, соглашусь с тобой. Конечно, я пренебрегаю осторожностью, а ведь речь, черт возьми, идет о моей жене, но, в принципе, я вполне допускаю, что есть некий старик, который действительно желает сделать тебе подарок, хотя с какой стати? Вот это в голове никак не укладывается. В общем, давай поступим так: в четверг пойдем на встречу и с безопасного расстояния посмотрим, что там у фонтана. Если не заметим серовато-зеленой плоской кепки или увидим ее на голове какого-нибудь психа, вызовем полицию. Как тебе такой вариант? Или, может, мы сами чокнулись?

– Господин консультант, – фыркнула Мина, – неужели мы и впрямь готовы пойти на столь безрассудный шаг? Дипломированный бухгалтер высшей категории и юрист? Два крайне осторожных, негибких рационалиста? Впрочем, как знать? Может, мы и впрямь познакомимся с поистине добрым, прекрасным человеком. Сейчас таких нечасто встретишь.

– Я каждую ночь засыпаю рядом с таким человеком. – Деррик поцеловал жену и, помолчав, добавил: – Да, вот еще что. Завтра я позвоню твоему дяде Ашеру. Поскольку портрет нарисовал он, возможно, ему и про письмо что-нибудь известно. Может, он тоже в этом замешан. Никак не могу избавиться от ощущения, что это розыгрыш.

– Разумно, – кивнула Мина. Она повернулась к мужу. В ее глазах светилась улыбка. – А знаешь, мистер Прентисс, ничего подобного никогда бы не произошло, если б ты в свое время купил портрет, как собирался.

– Да уж. Ладно, спокойной ночи, миссис Прентисс.

– Спокойной ночи.

– Кстати, как выглядит «плоская кепка»?

– Посмотри в Интернете. Спокойной ночи.

В мастерской Ашера Глиссена, автора вышеупомянутого портрета, зазвонил телефон. Обычно Ашер не брал в мастерскую мобильный, когда собирался работать, но сегодня он ждал

звонка по поводу нового заказа. Ашер взглянул на дисплей, прочитал имя. Звонил не тот человек, с которым он предвкушал разговор, но художник все равно ответил.

– Доброе утро, Деррик. Как поживает мой любимый зятек?

– Твой *единственный* зятек, – хмыкнул Деррик, – поживает отлично. Спасибо!

– А моя прекрасная племянница?

– У Мины все чудесно.

– Тогда почему занятой юрист звонит скромному художнику в этот час дня?

Было десять часов утра.

– В заседании перерыв. Я только что вышел со слушания по ужасному делу. Ты, наверное, слышал об этом. Некий тип заснул за рулем, выехал на встречу и врезался в автомобиль с женщиной и ребенком. Женщина погибла, девочка сильно покалечена. Водителя признали виновным в автомобильной аварии со смертельным исходом. Он нелегал. Взыскивать ущерб не с кого. Ладно, до следующего слушания есть еще немного времени, и я хотел бы кое-что обсудить. Это связано с портретами, которые тыставляешь в «Чаше». Есть минутка?

Деррик прочитал Ашеру письмо.

– Ничего себе, – выдохнул Ашер. – И впрямь странно! Теперь понятно, почему ты так переполошился. Но, отвечая на твой вопрос, сразу скажу: об этом человеке мне ничего не известно, и, если это шутка, я тут ни при чем, впервые о ней слышу. Конечно, безопасность Мины превыше всего, однако позволь мне внести ясность: этот человек, некий мистер Тео, хочет встретиться с Миной на Променаде – в общественном месте, среди бела дня, – чтобы подарить ей портрет, так? Если вы примете приглашение и отправитесь на встречу, по идее, вы должны его увидеть задолго до того, как подойдете к фонтану.

Ашер оперировал теми же доводами, какие накануне вечером приводили друг другу Деррик и Мина.

Ашер часто недоумевал, как Деррик, ежедневно рассматривая уголовные дела, до сих пор не стал законченным пессимистом и не воспылал недоверием ко всему человечеству. Ему были понятны страхи зятя и в то же время приятно, что некий пожилой человек замыслил столь благородное дело, если это действительно так.

– Деррик, я уверен, вы с Миной примите верное решение. Дай знать, как пройдет встреча. Черт, – хмыкнул Ашер, – пожалуй, надо бы написать старику, поблагодарить за великодушие. Люди вроде меня нуждаются в таких, как он.

– Спасибо, дядя Ашер! Буду держать тебя в курсе. Все, мне пора возвращаться на поле боя.

Ашер положил трубку и продолжил работу над портретом на чертежной доске. Лучи утреннего солнца струились через стеклянный сводчатый потолок мастерской, погружая комнату в пестроту света и тени, на фоне которой и сам Ашер был похож на графическое изображение.

Для него это был обычный трудовой день.

И одет он был соответствующе: фланелевая рубашка навыпуск (сине-серая, «цвета английского дождя») с закатанными до локтей рукавами, холщовые штаны хаки в пятнах краски, на ногах – одни только носки, обуви нет. Тронутые сединой каштановые волосы, которые он взъерошил пальцами до состояния художественного беспорядка, закрывали уши, падая на ворот рубашки. Одно-двухдневная щетина подчеркивала контуры лица – выступающий подбородок, резко очерченные скулы.

Лоб его чуть морщился. Это выражение внимательности и сосредоточенности обычно не сходило с лица Ашера, когда он работал. Напряженность в глазах свидетельствовала о том, что он полностью поглощен своим занятием. Тем не менее лицо художника, при всей его серьезности, вовсе не отталкивало. Дети не пугались его пристального взгляда, а люди постарше научились истолковывать пыливый взор Ашера как комплимент.

Во внешности художника не было ничего нарочито богемного, и все же он заметно выделялся среди своих сверстников лет пятидесяти пяти, которые каждое утро ходили на службу в банки, юридические фирмы или агентства по недвижимости, чтобы заработать на хлеб насущный. Его гардероб, в отличие от одежды многих из них, выдавал в нем человека, который ведет жизнь вольную, не думая о том, что кто-то оценивает его элегантность или что его внешний вид должен производить надлежащее впечатление.

В открытые окна мастерской лилось пение птиц. Их голоса сливались с оркестровой музыкой, звучащей в динамиках небольшого стереопроектора.

«Весна в Аппалачах»?¹⁰ Мелодия как нельзя лучше соответствовала времени и месту – помещению мастерской, наполненной простыми дарами.

Музыка была его верным спутником в периоды уединения, когда он частенько молча работал по несколько часов кряду.

Сегодня утром он рисовал человека с фотографии, помещенной перед ним на мольберте на расстоянии вытянутой руки.

Рисовал Ашер сидя. Правая рука поддерживала лежавшую на коленях тонкую прямоугольную доску, на которой по четырем углам был закреплен кнопками белоснежный лист дорогой плотной тряпичной¹¹ бумаги.

Рисовал он левой рукой, а в правой держал вместе орудия своего труда: очень мягкий, очень твердый и угольный карандаш, замахившийся тортильон¹² и ластик-клячку¹³. С помощью этих инструментов в своем арсенале он ежедневно вел борьбу с заурядностью, в награду за труды создавая шедевр за шедевром.

Постепенно, словно поднимаясь из воды, на листе проступила форма головы. Ашер принялся заполнять ее контур штрихами – сначала жирными, затем более тонкими, изящными. Штрихи, штрихи, штрихи – и вот уже появляются черты: лоб, губа, ноздри, морщины.

Рука художника изгибалась, поворачивалась, постукивая, поглаживая бумагу или зависая над ней, – исполняла танец, за многие годы доведенный до совершенства.

Из штрихов складывалось лицо – лицо мужчины с пышной копной непослушных волос, неряшливой бородой, мальчишеской улыбкой и озорным огоньком в глазах. Не так-то просто было создать объемное изображение на плоскости, но Ашер уверенно «положил противника на лопатки».

Время от времени он вставал, отступал на несколько шагов, с расстояния рассматривая результат своего труда, потом возвращался на место и возобновлял работу.

К полудню портрет был завершен. Оставалось вставить его в рамку.

И отнести в «Чашу».

В тот вечер, вернувшись домой, Деррик рассказал Мине про свой разговор с дядей Ашером.

Решение было принято.

В следующий четверг они идут к фонтану.

¹⁰ *Appalachian Spring* («Весна в Аппалачах») – знаменитое музыкальное произведение американского композитора Аарона Копленда (1900–1990), изначально написанное как балет и ставшее классикой американской музыки. Позже оно было преобразовано в оркестровую сюиту.

¹¹ *Тряпичная бумага* – бумага из хлопковой ткани.

¹² *Тортильон* (растущевка) – цилиндрический инструмент с заостренными концами из плотно скрученной рисовой бумаги, который художники используют для растущевки и смягчения линий, сделанных углем, карандашом, пастелью или мелками. Конте, чтобы добиться плавных переходов, дымчатого эффекта и создания теней.

¹³ *Ластик-клячка* – канцелярская принадлежность для коррекции и осветления угольных и пастельных рисунков, для удаления загрязнений с пленки и бумаги. Представляет собой специальную легко мнущуюся резину, имеющую тестообразную консистенцию и высокие адсорбирующие свойства. При применении она захватывает частички графического материала, не повреждая бумагу и не размазывая рисунок.

Глава 6

К вечеру четверга Дерриком и Миной владело головокружительное волнение: они предвкушали приключение, и в то же время их терзали опасения. Письмо все больше разжигало их интерес, и беспокойство по поводу того, что это, возможно, чья-то злая шутка, почти исчезло. Деррик старался не думать о том, как они будут выглядеть в глазах друзей и знакомых, если по собственной глупости станут жертвами обмана. Напоследок они еще раз обсудили безопасный вариант: забыть про встречу у фонтана и напрямик пойти в ресторан. Однако любопытство не отпускало, и они решили рискнуть.

– Зато потом будет о чем рассказать детям.

За полчаса до назначенного времени они припарковались в двух кварталах от фонтана и, взявшись за руки, пошли на встречу с Тео. На Бродвее все столики уличных кафе и ресторанов были заняты, по тротуарам от края до края разгуливали пешеходы, главным образом студенты и те, кто считал, что выходные начинаются в четверг. Погода радовала: холодный воздух смягчало тепло, поднимавшееся от нагретого солнцем тротуара. Вечер был ранний, смеркаться еще не начало, и на Променаде жизнь была ключом.

Мина и Деррик не отрывали взглядов от фонтана, едва он появился в их поле зрения, но все равно не могли разглядеть того, кто их ждал, если их вообще ждали: мешали проезжающие автомобили и пешеходы, да и под ноги приходилось поглядывать, чтобы не наткнуться на прохожих. Вокруг фонтана симметрично стояли четыре скамьи. Те две, что им видны были хорошо, занимали люди без головных уборов. Две другие от них что-то заслоняло. Но наконец, приблизившись к фонтану на пятьдесят ярдов, они заметили плоскую кепку цвета вереска, которая сверкала, как маяк.

У обоих екнули сердца.

– Деррик, вон он, – прошептала Мина. Нервно рассмеявшись от удивления, она крепче стиснула руку мужа и ближе придвинулась к нему. У фонтана их действительно ждал какой-то старик.

И вдруг раздался чей-то голос. Громкий голос, который невозможно было проигнорировать.

– Деррик, ты как раз вовремя! Готов купить книгу? Купи, пожалуйста.

Голос принадлежал книгопродавцу Тони. Его лавка «Словоед» располагалась на западной стороне Бродвея, неподалеку от фонтана.

Тони поднялся с плетеного кресла, затушил ногой сигарету, обнял супругов Прентисс, которых хорошо знал, смачно чмокнул в щеку Мину. Обмениваясь с ним традиционными приветствиями, Деррик с Миннетой то и дело поглядывали в сторону фонтана. Оба надеялись: Тони заметит, что они торопятся. Не тут-то было. Верный себе, Тони не убирал руки с плеча Деррика – он частенько поступал так, когда хотел полностью завладеть чьим-то вниманием.

– Я не шучу, правда. У меня есть книга, о которой я говорил тебе на днях. За авторством Эдварда Олби¹⁴. Если не купишь сам, я тебе ее подарю, а потом объявлю себя банкротом. Полистай, потом обсудим. Отказ не принимается. Пойдем! Ну куда ты так спешишь? Я займу у тебя не больше минуты. Книга у меня в кабинете, я специально ее отложил.

Не обращая внимания на протесты друга, Тони потащил его в магазин. Деррик обернулся через плечо и, удрученно глядя на жену, одними губами произнес:

– Прости, я быстро.

¹⁴ Эдвард Олби (1928–2016) – американский драматург. Самые известные работы – «Что случилось в зоопарке», «Песочница», «Кто боится Вирджинии Вулф?». Критики называют его пьесы американским вариантом театра абсурда.

Мина смотрела в сторону фонтана. Она отправилась туда сразу же, как только Тони исчез в магазине.

Старик сидел на скамейке, придерживая лежащий на коленях сверток, и наблюдал за прохожими. Вид у него был непринужденный; чувствовалось, он получает истинное удовольствие, рассматривая людей. Он что-то сказал маленькой девочке, стоявшей вместе с родителями у фонтана. Сказал что-то приветливое, не сомневалась Мина, хотя слов она не слышала.

Если бы она сейчас могла прочитать мысли Тео, то сразу поняла бы, что им владеют двойственные чувства, что, впрочем, не отражалось на его поведении. Чуть раньше, направляясь к фонтану, старик нервничал, постоянно смотрелся в витрины магазинов, проверяя, достойно ли выглядит, поправляя на голове кепку, мысленно репетировал свою приветственную речь, представлял, что скажет, дабы успокоить гнев или опасения миссис Прентисс, если его благая миссия пойдет не по плану. Тео почти надеялся, что она не придет на встречу, и тогда он со спокойной совестью сможет позабыть про свою глупую затею.

Но она пришла.

Тео сразу узнал миссис Прентисс, ведь он тщательно изучил ее портрет. Увидев ее, он собрался было встать и пойти навстречу, как того требовала глубоко укоренившаяся в нем учтивость, но не покинул своего места: боялся, что кто-нибудь займет скамейку, если он далеко от нее отойдет. В этот час у фонтана обычно гуляло много народу.

Когда Мина была почти рядом, он поднялся, в знак почтения снял кепку и шагнул ей навстречу.

Одет он был по последней моде: элегантный кашемировый блейзер, брюки оливкового цвета, кремовая льняная сорочка. Мина ожидала увидеть хилого согбенного старика с тусклыми сонными глазами, который без трости шагу ступить не может. А ее встречал энергичный мужчина с ясным живым взглядом. Он был среднего роста, плотного телосложения и уверенно стоял на ногах. Правда, чуть сутулился, но никаких других признаков глубоко преклонных лет она не заметила.

Голову его покрывала редущая шевелюра поседевших до белизны волос, которые были небрежно зачесаны назад, что наделяло старика аурой аристократизма. Он был чисто выбрит.

Судя по здоровой загорелой коже, он много времени проводил на свежем воздухе. Кончики густых ухоженных бровей утопали в сеточке морщинок в уголках глаз. От него исходил слабый аромат дорогого одеколона, который учуяла бы только женщина, и вообще Тео производил впечатление человека, который следит за собой, но не заиклен на собственной внешности. Вне сомнения, он был стар, но ему отлично подошло бы определение «моложавый старик». Наверное, многие в его возрасте хотели бы так выглядеть.

Мина протянула ему руку для рукопожатия, и ее поразило, как мгновенно преобразилось лицо старика: оно потеплело, на губах заиграла робкая улыбка, а пронизывающие голубые глаза смотрели на нее пристально, даже с обожанием. И у нее возникло некое странное необъяснимое чувство, что он предвосхищал встречу с ней и теперь несказанно рад, что встреча состоялась.

«Да, определенно это она», – снова подумал Тео.

При ее приближении он снял кепку и чуть склонил голову, пожимая ее правую руку, которую она ему протянула властно, как всегда здоровалась с участниками деловых встреч, – скорее по привычке, нежели с неким умыслом. Что интересно, на ее рукопожатие он ответил левой рукой, причем непринужденно, что тоже указывало на давнюю привычку.

Мина не обиделась. Уголки губ старика были чуть приподняты в улыбке, застывшей на его лице, и он неотрывно смотрел ей в глаза.

– Значит, вы – мистер Тео? – нерешительно произнесла Мина и, словно подчиняясь некоему закону взаимодействия, тоже улыбнулась.

– А вы – Мина. Спасибо, что пришли. Я не был уверен, что увижу вас здесь. Но я вам очень признателен. – Он усмехнулся. – Я немного нервничаю. Вы уж простите меня за это. Я боялся, что в семь часов сюда придет полицейский, меня закуют в наручники и отправят куда-нибудь далеко и надолго. А я, на свое счастье, имею честь лицезреть ангела. Безмерно рад нашей встрече!

«Ужасно старомодный, – подумала Мина. – И потрясающе удивительный».

Она различила в его речи акцент.

– И я очень рада знакомству, мистер Тео. – Всякое беспокойство, которое Мина испытывала по поводу этой встречи, уже рассеялось, и теперь она переживала, что сам Тео опасался неприятного исхода. – Прошу вас, мистер Тео, объясните, зачем вы это делаете? Не хочу показаться грубой, но мне непонятно, зачем мы здесь.

Мина не собиралась быть столь прямолинейной, но этот вопрос мучил ее с тех самых пор, как она получила письмо старика.

– Да, – кивнул Тео, глубоко вздохнув, – охотно допускаю, что вам это кажется странным. Если у вас найдется пара минут, я мог бы все объяснить. Но, если вы торопитесь, задерживать вас я не стану. Вот ваш портрет.

Он показал на завернутый в бумагу рисунок.

– Да, объясните, пожалуйста! Я не тороплюсь.

Они подошли к скамейке. Тео дождался, когда сядет Мина, потом опустился на скамейку рядом с ней. Они сидели, чуть повернувшись друг к другу. Серебристая дымка, поднимавшаяся от фонтана, окутывала их, словно волшебная пыль. И в этой почти сказочной атмосфере Тео сделал свое первое подношение.

Первое из многих.

Глава 7

Деррик наконец-то улизнул от Тони (а это было непросто, когда Тони пребывал в болтливом настроении) и поспешил из магазина. Было уже почти семь, и он знал, что Мине не терпится пойти к фонтану.

Выйдя на улицу, он не увидел Мину там, где ее оставил, – у входа в книжную лавку. И нигде поблизости ее тоже не было.

Затем, взглянув в сторону фонтана, он заметил их – старика и свою жену. Они уже о чем-то увлеченно беседовали. Мина сосредоточенно внимала незнакомцу. Прямо сцена из романа: величавый дуб, блеск воды, пастельные тона весны, разноцветные блики солнечного спектра. Деррик не стал к ним подходить, остановился на некотором удалении, чтобы они его не видели (правда, в этот момент ни старик, ни Мина не смотрели по сторонам), и пристально наблюдал за ними с расстояния тридцати ярдов. Несколько секунд спустя, не привлекая к себе внимания, он прошел на бульвар, присел на скамейку напротив с другой стороны от фонтана, рассыпавшегося мириадами брызг, и продолжил наблюдать. Теперь он был абсолютно убежден, что этот старик, кем бы он ни был, опасности не представляет.

– Итак, почему я это делаю? Резонный вопрос. Прежде ничем подобным я не занимался.

Тео беззвучно рассмеялся как бы про себя, над самим собой. Глядя на Мину, он широко улыбнулся, так что морщинки вокруг глаз, коих сразу заметно прибавилось, прорезались глубже.

– Пожалуй, точно даже не скажу, как и почему эта идея пришла мне в голову. Когда я увидел лица на тех портретах – а я рассматривал их часами, – у меня в груди что-то дрогнуло, словно я всех вас откуда-то знаю или хотел бы узнать. Такие чувства в человеке способен вызвать только очень хороший художник. Выставка в «Чаше», конечно, великолепна – вы ведь наверняка ее видели, да? – но портретам, мне кажется, там не место. Не в кофейне. Во всяком случае, долго там они висеть не должны. Я намерен купить все портреты один за другим и отослать туда, где их дом.

Тео умолк и посмотрел на свои руки, на завернутый портрет. Мина молчала.

– Вообще-то, честно говоря, – продолжал он тихим голосом, который едва пробивался сквозь уличный шум и плеск фонтана, – я был удивлен, что так много портретов не выкупили те, кому они должны принадлежать по праву. Как вы, например. Или, во всяком случае, те, кто вас любит.

Мина кивнула и усмехнулась, закатив глаза.

– Странно, что вы это говорите. Муж давно собирался купить мой портрет, да все откладывал и откладывал. Спасибо, что это сделали вы! Очень любезно с вашей стороны. Но, надо признать, ваше письмо меня несколько смутило.

– Я вас хорошо понимаю, – кивнул Тео. – И рад, что вы проявили храбрость. Быть может, таким вот образом я заведу в Голдене друзей.

– В письме говорится, вы у нас недавно. Надолго приехали? У вас здесь есть родственники?

Старик немного помолчал, отвел глаза, чуть наклонив голову.

– Не знаю, надолго ли. Но пока я всем доволен, мне очень нравится ваш городок. А вы живете здесь с рождения?

Позже Мина отметит, что Тео очень искусно уклонился от ответов и сосредоточил ход беседы на ней самой. Он задавал уйму вопросов, всегда вполне уместных, и в его голосе слышался неподдельный интерес. Он не мигая смотрел в глаза Мине, иногда чуть наклонялся к ней, проявляя искреннее участие. Она вкратце рассказала ему о своем детстве и учебе, о работе бухгалтером, о том, что пять лет назад вышла замуж за человека, которого полюбила еще в

школе, немного поведала о своей жизни в местном сообществе. Ответы эти носили общий характер, но позволяли обрисовать картину ее мира.

– Значит, у вас счастливая жизнь, да? – подвел итог Тео.

– Пожалуй, – не очень уверенно ответила Мина. – Не идеальная, но в целом... довольно счастливая.

Тео понял, что она не открыла ему всей правды. В ее голосе слышались нотки сожаления, но расспрашивать он не решился. Он удовольствуется тем, что она предложит.

– Мистер Тео, вы уже кому-то подарили портреты?

– Нет, подарю вам первой, дорогая моя. – Лицо его осветила широкая улыбка.

– Вот как? Что ж, я польщена. Но почему именно мне? Почему вы начали с моего портрета?

Тео кивнул, довольный тем, что между ними так скоро установилось доверие.

– Да, так почему именно вам? – Он задумчиво вздохнул. – По двум причинам. Когда я рассматривал рисунки на стене в кофейне и мне пришла в голову идея найти изображенных на них людей, я подумал, что надо выбрать самое доброе, самое приветливое лицо и первым подарить этот портрет. Я понятия не имел, как воспримут мою идею. И я спросил себя: кто из этих людей с наибольшей вероятностью не откажется ублажить старика с его нелепой затеей? Знаете, там много добрых лиц, но это, – Тео указал на завернутый портрет, затем – на саму Мину, – это – самое доброе из всех. Я надеялся начать с человека, который меня простит, если я совершаю ошибку. Это во-первых.

Мина силилась сохранять невозмутимость, но в глазах ее заблестели слезы. Самое доброе лицо из всех?

Все, что происходило сейчас, было для нее неожиданно: почтение, с которым этот старик говорил с ней, мягкость его голоса, великодушный отзыв о ней. «Неужели он действительно видит все это во мне?»

– Но есть еще одна причина. Правда, мне неловко об этом говорить. Хотите знать?

Мина кивнула.

Тео извлек портрет из упаковки и поставил его к себе на колени.

– Что-то в этих глазах напомнило мне об одной девушке, с которой я был знаком много лет назад, задолго до вашего рождения. Мы с ней познакомились в Испании. Я очень любил ее, но, будучи тогда глупым молодым человеком, не смог удержать. Она была очень красивой, очень умной, очень храброй. С тех пор прошло много времени, больше полувека, но я и по сей день помню ее и, когда увидел ваши глаза, все это... – Тео нежно провел пальцами по портрету, как бы лаская веки, лоб, скулы, – вспомнил ту девушку. И это воспоминание доставило мне огромную радость. – Тео усмехнулся. – Вам, должно быть, неловко выслушивать историю едва знакомого старика о том, как он был влюблен? Плохо, что я вовремя не прикусил язык. Но даже у стариков есть воспоминания о молодости.

– Нет-нет, продолжайте, прошу вас, – рассмеялась Мина. – То есть мне и впрямь довольно неловко – да нет, я шучу, – продолжайте!

И он продолжил, намереваясь рассказать *только* правду, но не *всю*.

– Итак, о той девушке. Она любила все живое, и людей тоже, искренне и непосредственно. Мы ходили с ней в парк, кормили там птиц, она приносила детям конфеты. О, как она любила детей! А дети... Как же они любили ее! Она рассказывала им истории, пела песенки. Посмотришь ей в глаза – а в них любовь и доброта.

Тео замолчал. Взор его чуть затуманился. Было видно, что мыслями он перенесся в далекое прошлое.

– Наверняка не знаю, но, кажется, ее отец был суровый человек. Я его никогда не видел, однако думаю, он был умен, рассудочен, а вот чуткости ему не хватало.

Улыбка на лице Мины угасла. Сошнувшись, она внимательно слушала рассказ Тео.

– Понимаете, он настаивал, чтобы она занялась бизнесом, хотя в те времена немногие женщины шли в бизнес. Отец хотел, чтобы она помогала ему управлять компанией и зарабатывать много денег. А у нее были совсем другие интересы. Она хотела стать матерью. Художником. Заниматься садоводством. Она была единственным ребенком в семье, но при этом всегда знала, что никогда, никогда не станет такой, какой он хочет ее видеть. По его понятиям, она была несмышленной девчонкой, которую занимают всякие глупости. Она это чувствовала. И сама говорила мне об этом... Но, боже мой, как же она была хороша собой, какая прекрасная душа. И, когда я увидел ваши глаза, ваше лицо, Мина, я увидел ее. Потому я и выбрал вас. Разве я мог поступить иначе? – Тео ненадолго умолк, пристально глядя на портрет. Постучал по нему пальцем. – В этом лице чувствуется сила. – Пауза. – И храбрость. – Опять пауза. – И доброта... Да. И еще печаль, – добавил он чуть тише. – Светлая грусть. Все это есть в ваших глазах.

Мина смотрела на портрет, но было видно, что она думает о чем-то своем.

– Значит, вы видите печаль? – спросила она, сглотнув комок в горле.

Тео чуть заметно кивнул и немного поморщился.

– Это лицо женщины, пережившей утрату. Именно это пришло мне на ум, когда я впервые увидел ваш портрет. Но возможно, я ошибаюсь. Хотелось бы надеяться.

Он снова посмотрел на Мину, думая, что, пожалуй, пора найти другую тему для беседы, и заметил слезы в ее глазах.

– Дорогая, простите меня, ради бога! Я не хотел вас расстроить.

– Пустяки, мистер Тео. Я не знала, что это так очевидно. Но... – Голос ее дрогнул. Тео молчал, ожидая, пока она переведет дух. – Портрет открыл вам правду, – наконец снова заговорила Мина. – В какой-то мере. Не знаю насчет силы, храбрости, доброты, но печаль в этом лице есть. Она присутствует в нем давно и только глубже укореняется. Хотя, казалось бы, с чего? Глупость какая-то.

– Нет, милая, – покачал головой Тео. – Печаль бывает разной, но глупой – очень редко. Светлая печаль, мне кажется, всегда пытается сообщить нам что-то очень важное.

Мина задумалась. Возможно ли, чтобы за столь короткое время в результате невинной передачи портрета, неожиданного дара, открылись друг другу сердца двух совершенно незнакомых людей, которые принадлежат к разным поколениям, имеют разный жизненный опыт, родились в разных городах? Могла ли она когда-нибудь представить, что откроет душу старику, с которым познакомилась всего несколько минут назад? Что она, женщина, которая никогда не плачет, вот-вот зальется слезами?

– Когда я была ребенком, мои родители развелись. Я была слишком мала, не понимала, что происходит, но потом узнала, что они расстались не по-доброму. Я принадлежу к старинному роду «голубых кровей». Знаете, что это значит? Что мы живем здесь много лет, что мы – уважаемая семья, со связями и все такое. Когда битва между родителями окончилась, мать уехала в Европу, и с тех пор я ее практически не видела. А отец... он очень, очень тяжелый человек. – Мина закрыла глаза, покачала головой. – Роль отца – не для него. Он думает только о деньгах. Он все так же живет в Голдене, мы видимся от случая к случаю и вроде бы даже общаемся, но говорим в основном о работе. О делах. От вас за полчаса я услышала больше отеческих слов, чем от родного отца за всю жизнь. – Мина глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Но мне очень повезло. Меня вырастили бабушка с дедушкой по отцовской линии. Они жили недалеко отсюда – в Боуэри. Сейчас их уже нет в живых, но я была очень привязана к бабушке. Звала ее Буша. Святая была женщина, как та, что вы полюбили в Испании. Любила книги, цветы и птиц. И я росла среди всего этого. Братьев и сестер у меня не было, так что в каком-то смысле она олицетворяла для меня весь мир. По утрам отводила в школу, помогала с домашним заданием, учила готовить, перед сном молилась вместе со мной. У меня было прекрасное детство, хотя я знала, что оно не такое, как у других. То, что меня воспитывала

бабушка, – просто подарок, нежданное благословение от моей распавшейся семьи. Училась я очень хорошо, тоже благодаря бабушке. Но, несмотря на все мои успехи, отец всегда требовал большего. Я обязана была быть первой во всем. И я старалась ему угодить. До сих пор не понимаю почему. – Мина на мгновение умолкла, небрежно махнула рукой. – Простите, мистер Тео. Я знаю, вы пришли сюда не за этим.

– Нет-нет, дорогая, именно за этим. – Он посмотрел Мине в глаза. – Купив ваш портрет, я много раз рассматривал его и думал: что она за человек? Какова ее история? Что на самом деле выражают ее глаза? Продолжайте, прошу вас. Вы не торопитесь?

Тут Мина вспомнила про мужа. Деррик собирался присутствовать при встрече, а после они планировали поужинать в ресторане. Она знала, что он где-то рядом, наблюдает за ними со стороны. И потом она поблагодарит его за это.

– Я научилась соответствовать ожиданиям окружающих. У меня это получалось просто великолепно. Школу окончила с отличием, так что удостоилась чести выступить с прощальной речью на выпускном; была президентом всего чего можно, членом почетной группы студентов на вечере встречи выпускников, дебютанткой на балу – в общем, всегда стремилась заслужить одобрение окружающих. Сегодня я младший партнер в солидной аудиторской фирме, входящей в «Большую четверку», и работу свою терпеть не могу. Если буду до старости работать по шестьдесят часов в неделю, когда-нибудь дослужусь до полноправного партнера. А отец мой до сих пор злится, что я не защитила докторскую. А знаете, мистер Тео, чего я хочу на самом деле?.. Только не смейтесь.

Но по лицу Тео было видно, что смеяться он не намерен.

– Больше всего на свете я хочу стать матерью, всегда об этом мечтала. – Мина помолчала, словно ожидая ответа, банальности или даже упрека. А Тео только кивнул, соглашаясь с разумностью и красотой ее желаний. – С ума сошла, да? Я знаю, что это крутой поворот, особенно для человека, который всю жизнь пытается произвести впечатление на других. Возможно, я романтизирую материнство, и все же я хочу передать своему ребенку то, что дала мне бабушка. Хочу быть такой, как она. Обычной домохозяйкой. Хотя бы на время, чтобы создать и укрепить семью. Безумная идея, да? Домохозяйка. Просто находка для психотерапевта. Смешно. Дочь худших в мире родителей мечтает о ребенке, хочет стать матерью и возвращать новую жизнь. Вот... отсюда и печаль. Думаю, во многом она была заложена в детстве, но несколько лет назад, когда мы с мужем еще были студентами, я забеременела. Он учился на юрфаке, я изучала бухучет. Сначала я испугалась, растерялась, но в то же время испытывала радостное волнение. Тогда я совершила ошибку, решила посоветоваться с отцом. Я знала: это зря, но бабушка уже страдала от болезни Альцгеймера, и я не хотела ее волновать. Я сказала отцу, что брошу колледж и выйду замуж за Деррика. Мы знали, что рано или поздно все равно поженимся. Отец пришел в бешенство, стал обзывать меня гадкими словами, напомнил мне, что работает как проклятый, во всем себе отказывает, лишь бы поставить меня на ноги, сообщил, во что обходится ему мое обучение – с точностью до цента. Сказал, что «чертова ребенка» можно родить и позже, в любое время, когда я пожелаю. Сказал, что я подведу всех, даже бабушку, если позволю одной идиотской ошибке погубить мое будущее. И, разумеется, – голос Мины наполнился сарказмом, – я опозорю доброе имя семьи. В общем, речь была что надо. Как я уже говорила, душевность – не его конек. Чистый прагматик. А я почему-то уступила.

На мгновение повисла тягостная, почти осязаемая тишина. Наконец Мина взглянула на Тео.

– А вы говорите – сильная, храбрая...

– И добрая.

Мина невидящим взглядом посмотрела на портрет и едва заметно покачала головой.

– Мой милый папочка гордился мной, – продолжала она. – Мисс Прагматик. Карьера на первом месте. Свою печаль я держу в секрете, но с каждым днем все больше ненавижу себя.

Я понимаю, что зря себя извожу, что нужно забыть про обиду и стыд... – Мина помедлила. В глазах стояли слезы. – Наверное, мистер Тео, эту самую печаль вы и заметили в моем лице на портрете.

Мина закрыла глаза и опустила голову, потом склонилась к плечу Тео.

С другой стороны фонтана Деррик наблюдал все это как замороженный. Он подавил порыв кинуться к жене, убедиться, что с ней все хорошо. Догадался, что будет третьим лишним.

Через какое-то время Мина села прямо и вытерла щеку тыльной стороной ладони.

– О, мистер Тео! Господи, сама не знаю, что это на меня нашло. Простите. Обычно я ни с кем не обсуждаю свои печали. Только муж и еще один человек знают о том, что я вам сейчас рассказала.

Тео взял ее за руку.

– Для меня это большая честь. Обещаю, наш разговор останется между нами. Добродетелей у меня немного, но тайны хранить я умею лучше многих. (Он мог бы добавить: «И жить с тайнами»).

По щеке Миной сбежала слезинка.

– О господи. Да что со мной происходит? Бухгалтеры не плачут.

Оба рассмеялись – желанная разрядка, – посидели немного в молчании. Мина глубоко вздохнула, расслабила плечи, тряхнула головой, словно выходя из транса. Затем, с ощутимым облегчением в голосе и улыбкой на лице, обратилась к старику:

– Кстати, Тео, возможно, вам будет небезынтересно узнать, как зовут моего отца. Имя его Пирс. Фамилия – Глиссен. Пирс Глиссен.

Тео прищурился, наморщил лоб. Вроде бы знакомое имя, но где он его слышал?

– Мой отец – родной брат художника, создавшего этот портрет. Ашер Глиссен и Пирс Глиссен. Этот художник – мой дядя Ашер. Во всей истории человечества не найдется двух более непохожих братьев, чем они. Даже не верится, что их обоих родила моя бабушка.

– Вот оно что-о-о! – протянул Тео, осмысливая услышанное. – Значит, художник Ашер и Пирс, ваш отец, – родные братья. А вырастила вас их мать – ваша бабушка. Ну и ну! Значит, вы должны хорошо знать этого художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.